

Архангельский А.С.

**Очерки из истории западно-русской
литературы XVI-XVII веков. Борьба с
католичеством и западно-русская литература
конца XVI - первой половине XVII века. I-II**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 304
ББК 60.5

Архангельский А.С.

Очерки из истории западно-русской литературы XVI-XVII веков. Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI - первой половине XVII века. I-II / Архангельский А.С. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 309 с.

ISBN 978-5-4241-5784-4

ISBN 978-5-4241-5784-4

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

БОРЬБА СЪ КАТОЛИЧЕСТВОМЪ

и западно-русская литература кон. XVI—пер. пол. XVII в.

(Историко-литературные очерки).

I.

28 июня 1569 года, въ Люблинѣ, на общемъ сеймѣ, въ присутствіи польскихъ сенаторовъ и короля Сигизмунда Августа, могущественнѣйшій представитель Литвы, Юрій Ходкевичъ, староста жмудскій, во главѣ другихъ литовско-русскихъ депутатовъ, прибывшихъ на сеймъ, отъ имени всего литовско-русскаго народа говорилъ польскому государю: „Свѣтлѣйшій, милостивѣйшій король! Мы пришли сюда къ вашему величеству, чтобы покончить это дѣло (дѣло политическаго объединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшей). Мы соглашаемся на него, но съ великою болью и стѣсненіемъ сердца, по приказу вашей королевской милости, повинуюсь волѣ вашей. Какъ все это намъ больно, невозможно выразить того словами. Вѣдь мы обязаны нашему отечеству, какъ вѣрные сыны его, заботиться о его благѣ, на сколько есть у насъ силъ. Призываемъ во свидѣтели ваше королевское величество и все настоящее собраніе: отечество свое мы защищали здѣсь столько, сколько могли! Мы не въ силахъ довершить этой защиты, и пусть это будетъ приписано препятствіямъ, судьбѣ, времени... Намъ приходится уступить, и мы уступаемъ, вѣряя наше дѣло милости вашего величества, какъ исполнителю законовъ и общему нашему законному государю... Благоволите, ваша королевская милость, такъ привести къ концу это дѣло, чтобы оно не было соединено съ нашею неволею или посрамленіемъ нашимъ или нашихъ потомковъ... Не допустите, ваше величество, посрамить насъ. Пусть этотъ актъ такъ совершится, чтобы на насъ не было ни одного пятна! Будьте сами, ваше величество, стражемъ и умирителемъ совершаемаго дѣла... Было бы очень больно намъ или внукамъ нашимъ, если бы

пришлось вспоминать о сегодняшних событияхъ съ сожалѣніемъ, вмѣсто радости, или обвинять насъ, что мы не видѣли своей неволи.. Мы уже доведены до того, что должны броситься съ униженной просьбой къ ногамъ вашей королевской милости („тутъ, замѣчаетъ современный актъ, всѣ съ плачемъ пали на колѣни“),—умоляемъ васъ, ради самого Бога, благоволите припомнить нашу службу, нашу вѣрность и кровь нашу, которую мы для твоей царской славы проливали. Благоволи такъ насъ устроить, чтобы это было для всѣхъ съ честію, а не съ униженіемъ, съ сохраненіемъ добраго имени нашего и твоей царской совѣсти“...¹⁾ Недаромъ литовскіе депутаты на колѣняхъ зывали о милости къ польскому королю, не даромъ они соглашались на унію „съ великою болью и стѣсненіемъ сердца“: совершившееся черезъ два дня послѣ этого событіе—люблинская унія 1569 года—надолго самымъ рѣшительнымъ образомъ измѣнила судьбы литовско-русскаго края. Юго-западная Русь, составлявшая дотолѣ самостоятельное Великое Княжество Литовское²⁾—съ этого момента была непосредственно присоединена къ Польшѣ.

Находясь подъ литовскими князьями, край этотъ по крайней мѣрѣ не утрачивалъ своей народности. Его языкъ былъ языкомъ государственнымъ, языкомъ княжескаго дома, языкомъ законодательства и управленія. Почти всѣ государственные акты и грамоты Великаго Княжества Литовскаго писались по русски; на русскомъ же языкѣ изданы были *Судебникъ* Казимира и *Литовскій Статутъ*. Въ „Статутѣ“, даже прямо узаконялось: „писарь земскій маеть по русски, литерами и словы русскими, вси листы, выписы и позвы писати, а не иишымъ языкомъ и словы“. ³⁾ Но что еще важнѣе, уже

¹⁾ Бояловичъ, *Люблинская унія, или послѣднее соединеніе Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ на люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году*. СПб. 1863, стр. 75—79 (рѣчь литовско-русскихъ депутатовъ на сеймѣ). Малышевскій, *Люблинскій съездъ 1569 г.* Пам. Рус. Старины въ зап. губ., VIII, СПб., 1885, стр. 184—185.

²⁾ Княжество это къ концу XVI вѣка обнимало собою обширную область теперешнихъ губерній: виленской и ковенской (собственно такъ назыв. „Литва“ XVI вѣка), смоленской, витебской, минской, гродненской, могилевской, черниговской, кievской, волынской и подольской. Область эту издавна населяли два племени: литовское, въ собственной Ляत्वѣ, и русское,—бѣлоруссы и малоруссы,—въ остальной части княжества.

³⁾ *Пам. Рус. Старины*, VI, стр. 150. И въ другомъ мѣстѣ Статута: „Уставуемъ, ииъ воеводове и старостове судовые мають зособна каждый зъ

съ XIV вѣва, русскій языкъ въ самой Литвѣ начиналъ дѣлаться языкомъ престонароднымъ, языкомъ всего литовскаго народонаселенія, какъ православнаго, такъ и католическаго. Андрей Василло, первый католическій епископъ въ Вильнѣ, вынужденъ былъ сознаться, что въ Литвѣ, и по введеніи въ ней католичества, продолжаетъ господствовать русскій языкъ и русская грамота; въ своемъ латинскомъ завѣщаніи онъ и самъ приводитъ нѣсколько русскихъ словъ, замѣчая, что это слова престонародныя...⁴⁾ Литовско-русскій край продолжалъ оставаться политически независимымъ отъ Польши: онъ имѣлъ отдѣльную территорію, особые органы законодательной, судебной и административной власти. Унія 1386 года имѣла значеніе лишь политическаго союза, какъ и понималась въ официальныхъ актахъ XIV—XV вв.⁵⁾ Русское населеніе, представляя болѣе девяти десятыхъ всего количества народонаселенія, оставалось и могло оставаться православнымъ. Мало того; православное населеніе, какъ господствовавшее по численности, начинало уже оказывать замѣтное вліяніе на населеніе литовское, въ собственной Литвѣ. Помимо языка, вліяніе это начинало сказываться и въ сферѣ религіозной. Въ литовской столицѣ, въ Вильнѣ, уже въ XV вѣкѣ половина жителей были православными⁶⁾. Православіе начинали исповѣдывать здѣсь не только въ низшей массѣ, гдѣ оно больше всего распространялось, но и въ высшихъ слояхъ, въ средѣ литовскихъ вельможъ и князей. Въ XIV—XV вв. сами литовскіе великіе князья нередко переходили въ

нихъ на вярде своемъ vybrati и на судъ засадити, намѣстника або подстаростого, судью замкового и писара, людей добрихъ, цнотливыхъ, годныхъ, въ правѣ и писма руского уметныхъ шляхтичовъ (по изданію 1586 года). *Пам. Рус. Стар.*, VI, стр. 150.

⁴⁾ В. Васильевскаго, Очеркъ ист. гор. Вильны. *Пам. Рус. Старинны*, V, СПб., 1872, стр. 11. Въ XIV ст. одинъ нѣмецкій писатель называетъ Вильну „русскимъ городомъ“ („civitateм ruthenicam“). *Пам. Рус. Стар.*, V, стр. 11, прик.

⁵⁾ Малышевскій, Люблинскій съѣздъ 1569 г. *Пам. Рус. Стар.*, VIII, стр. 109.

⁶⁾ Общая масса литовскаго племени до XIII—XIV в. была погружена еще въ язычество, высшій же слой, князья и вельможи, издавна считались католиками. При Гедиминѣ русскіе православные и жмудскіе язычники одинаково ненавидѣли католиковъ, и не разъ заявляли, что истребить родъ Гедиминовъ, если онъ, Гедиминъ, обратится въ католичество. При Ольгердѣ восточное православіе продолжаетъ оставаться въ Вильнѣ болѣе прочнымъ, чѣмъ католичество. *Пам. Рус. Стар.*, V, 12. 16.

православіе... Вмѣстѣ съ этимъ, вліяніе проникало и другими путями. Весь общественный бытъ Литвы постепенно все болѣе и болѣе складывался подъ вліяніемъ русскимъ. Особенно этому способствовали весьма нерѣдкіе случаи родства литовскихъ князей съ русскимъ великокняжескимъ домомъ: этимъ путемъ русскіе вносили въ литовское общество свои общественныя понятія, нравы, обычаи. Литовцы учились у русскихъ военному искусству, умѣнью строить и защищать крѣпости, русскіе часто занимали у нихъ высшія общественныя должности, нерѣдко были правителями цѣлыхъ областей, и т. д...

Уже Ягелло, актомъ соединенія Литвы и Польши въ 1386 году, нанесъ сильный ударъ распространенію и упроченію русской народности въ Литвѣ ⁷⁾; теперь, съ момента люблинской уніи 1569 года, — началось окончательное порабощеніе русскаго, православнаго, населенія польскимъ, католическимъ.

⁷⁾ Главнѣйшимъ условіемъ уніи 1386 года было постановлено официальное господство и распространеніе въ Бняжествѣ католичества. Въ королевской грамотѣ, данной по случаю этого акта виленскому католическому епископу, Ягелло прямо заявлялъ: „Мы разсудили, постановили, общали, обязались и по принятіи св. тайнъ дали клятву—всѣхъ людей народа литовскаго, обоого пола, въ какомъ бы они не были званіи, состояніи и чинѣ, къ вѣрѣ католической и св. послушанію римской церкви привести, принудить и всѣми способами присоединить, какой бы секты и различія они не были“ (Кояловичъ, *Литов. церк. унія*, I, стр. 8. Съ какою ревностью рѣшился Ягелло осуществлять свое обѣщаніе, показываетъ то, что вскорѣ самъ онъ, его братья и многіе изъ литов. князей приняли католичество, и даже снова перекрестились, хотя были уже крещены по восточному исповѣданію. Тотчасъ начались и открытыя преслѣдованія православныхъ. Отъ имени самого короля они объявлены были теперь „мятежниками и схизматиками“. (Кояловичъ, *Лит. цер. унія*, I, стр. 84. 244). Мирное распространеніе въ краѣ русскаго вліянія уступило мѣсто католической пропагандѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, на почвѣ того же акта 1386 года польское правительство сдѣлало первыя попытки къ слиянію литовско-русскаго населенія съ польскимъ. На городельскомъ сеймѣ 1413 года впервые узаконены были и для Литовскаго Бняжества нѣкоторыя общественныя должности, по образцу Польши, предоставлено было Бняжеству имѣть свои сеймы, по образцу польскихъ сеймовъ; кромѣ того, тогда же, въ видахъ объединенія, многимъ изъ литовско-русскихъ магнатовъ даны были гербы польскихъ родовъ,—что влекло за собою введеніе различныхъ обычаевъ польской жизни. См. Макушева, *Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ въ XVI в.* *Славян. Сборникъ*, т. III, СПб., 1876 г., стр. 29—30. Кояловича, *Чтенія по исторіи зап. Россіи*, 1884 г., стр. 172.

Господствуя официально, Польша начинает теперь открыто стремиться къ подавленію и уничтоженію въ присоединенномъ краѣ національной и религіозной самостоятельности. Поляки наводнили теперь Литву „якъ чорна хмара“,— по выраженію одной малорусской пѣсни. Они чувствовали себя полными хозяевами, и дѣйствительно были ими. Литовскія должности быстро очутились въ рукахъ поляковъ. Въ силу договора, поляки могли имѣть теперь въ Литвѣ поземельную собственность, и не замедлили воспользоваться своимъ правомъ, явившись вскорѣ владѣтелями цѣлыхъ литовско-русскихъ областей. Имъ даже могло принадлежать право патронатства надъ мѣстными православными храмами и монастырями. Юго-западная Русь и Литва должны были теперь составлять съ Польшей одно государство, имѣть одинъ сенатъ, одни финансы, одно войско. Сеймы стали смѣшанными, и чаще стали бывать въ Польшѣ; представители Литвы смѣшались съ представителями Польши. Два различныхъ народа—различныхъ по языку, вѣрѣ, общественному строю, обычаямъ и симпатіямъ,—теперь, въ силу искусственно придуманныхъ обязательствъ, должны были превратиться въ одинъ народъ, нераздѣльный и единодушный. При этомъ само собою подразумѣвалось, что юридическая равноправность обоихъ государствъ должна быть фактической гегемоніей Польши...

Перевѣсъ, впрочемъ, долженъ былъ склониться и самъ собою на сторону болѣе культурную. Болѣе образованная, болѣе близкая къ западной Европѣ, Польша не могла не охватить Литовскую Русь своимъ вліяніемъ. Последнее шло преимущественно черезъ высшіе слои, а за ними тянулось и среднее дворянство, быстро начавшее превращаться въ польскую шляхту. Превращеніе часто дѣлалось само собою: мелкое западно-русское дворянство, въ силу договора, уравнивалось съ польской шляхтой,—у этой шляхты ему приходилось теперь учиться своимъ новымъ правамъ, и тѣмъ самымъ, незамѣтно для себя, сближаться и сродняться съ новыми, польско-католическими, обычаями и правами. Рядомъ съ всемогущею силой культуры, образованія, шло и подкупающее вліяніе простой внѣшности. „Русское дворянство изъ потребности просвѣщенія, всѣми силами стало стараться быть похожимъ на польское. Ляхъ для русскаго сталъ существомъ высшимъ. Богатые паны, литовскіе и русскіе, завели у себя при дворахъ притоны для приходившихъ ляховъ-цивилизаторовъ... Въ домашней жизни, въ приемахъ обращенія, въ нравахъ—все, составлявшее признаки русской старины, стало по современнымъ понятіямъ признакомъ грубости и невѣжества; все польское и западное—служило въ вѣской образованности и хорошаго тона“^{*)}...

^{*)} Костомаровъ, *Историч. монографіи*, т. XIII, стр. 196—200.

Вліяніе сказывалось, говоря характернымъ языкомъ Іоанна Вышенскаго, — „во многихъ мисахъ, полмисахъ, приставкахъ черныхъ и шарыхъ, чирвоныхъ и бѣлыхъ юхахъ и многихъ скляницахъ и келишковыхъ и винахъ мупкательахъ, малмазыхъ, алякантохъ, ревулахъ, медахъ и пивахъ розмаитыхъ, — въ барилахъ зъ медами, барилкахъ зъ винами, шкатулахъ зъ фляшами, наполненными виномъ, малмазыею, зъ горѣлкою горко дорогою, въ гордыхъ бадавѣяхъ, валахахъ, дрыкгантахъ, ступакахъ, едноходникахъ, — волюсвахъ, лезтыкахъ, брожекахъ, карытахъ... въ обилии слугъ“⁹⁾... Старинныя русскія однорядки казались теперь безобразными, и быстро замѣнялись вычурными польскими нарядами, старинныя помѣщенія русскихъ пановъ также сдѣлались неудобными — ихъ стали замѣнять пышные палаццы, построенные и убранные во всевозможныхъ веусахъ Польши и западной Европы“.

Вмѣстѣ съ вліяніемъ бытовымъ, шло вліяніе въ сферахъ нравственной и умственной. Половина и конецъ XVI вѣка было временемъ перелома въ умственной жизни Польши. Это было время, когда „всѣ реформаторы, всѣ новаторы, преслѣдуемые за вольнодумство, религіозное или политическое, бѣжали въ Польшу и находили здѣсь себѣ спокойное пристанище и послѣдователей. Въ ничтожнѣйшихъ селеніяхъ и деревушкахъ основывались типографіи, которыя отпечатывали и пускали въ обращеніе несмѣтное количество книгъ и брошюръ, политическихъ, богословскихъ, научныхъ, полемическихъ“¹⁰⁾. Польша тянула къ западу и стремилась впитать въ себя и переработать по своему образованность романскихъ и нѣмецкихъ народовъ. Связанная политически съ Польшей въ одно неразрывное цѣлое, Русь, въ лицѣ своего высшаго класса, должна была идти невольно за Польшей“.¹¹⁾ Вліяніе польской образованности на литовско-русскую аристократію особенно облегчалось развившимся къ этому времени обычаемъ поѣздокъ молодыхъ людей въ западно-европейскія страны и долгаго пребыванія ихъ въ западно-европейскихъ университетахъ. Вліяніе было тѣмъ сильнѣе, что и дома, за отсутствіемъ собственныхъ средствъ къ образованію, приходилось или отдавать дѣтей въ польскія іезуитскія училища или держать домашнихъ учителей, также въ большинствѣ случаевъ поляковъ или іезуитовъ. Вмѣстѣ съ польскимъ, и вообще иностраннымъ, воспитаніемъ невольно явля-

⁹⁾ *Акты южной и западной Россіи*, т. II, 1865, стр. 215, 222.

¹⁰⁾ Пыпинъ и Спасовичъ, *Ист. Слав. Литер.*, II, 480.

¹¹⁾ Костомаровъ, *Ист. мон.*, XIII, 197.

лась привязанность ко всему польскому, иностранному, и отчужденіе отъ своего роднаго, русскаго. Молодые литовско-русскіе аристократы, воспитанные поляками и іезуитами, долго странствовавшіе потомъ по западнымъ университетамъ, невольно разучивались въ своемъ родномъ языкѣ, дѣлались равнодушными къ родной вѣрѣ,—на все начинали глядѣть глазами своихъ воспитателей, во всемъ, что являлось особенностями русской жизни, начинали видѣть противоположность просвѣщенію, нѣчто такое, чего нужно не только избѣгать, но и стыдиться... „Очистите церковь отъ всякихъ прелестей и забобновъ еретическихъ,—безъ пестроты, въ простотѣ сердца, Бога хвалѣте; латинскій смрадъ пѣсней изъ церкви ижденѣте, простою нашею пѣснію русскою поюще Бога благодарѣте... Еретичество и невѣріе всякое отъ себѣ отвержѣте. Иконное поклоненіе съ учтливостію почитайте, и въ домѣхъ, идѣже пребываете, образъ Матере Божія съ предвѣчнымъ ея Младенцемъ на стѣнахъ въ конци трапезы вашей пригвоздѣте. Крестомъ Христовымъ, до церкви пришедши, креститись,—не соромяте. Або вѣмъ, нынѣ христіане Малыя Россіи всѣ поеретичѣли, яко креста Христова, славы своей соромяются. И не только въ церкви, але и на трапезу сѣдаючи крестомъ знаменайте. Если бы и латина или еретики быти съ тобою ся придучили, не соромяйтесь... Иноческаго чину не поругуйте...; нынѣ вы помудрѣли, Бога отгнали и благочестіе стратили, и зъ иноческаго чина ся смѣете, и духомъ проклятаго дьвола хулите“—укоряетъ современниковъ І. Вишенскій. „Поеретичѣхомъ вси обиталници Малыя Россіи, жалуется онъ,—отъ Бога устранихомся далече, къ невѣрію и зло житіе припрагше... Русине, бывший благочестивый христіанинъ прежде и цѣломудрецъ—съ ляхи живущій нынѣ одѣти нѣль еси, раздѣлился на папезника, евангелиста, нововыкрещенца... Отъ главы и до ногъ острупѣли есте,—отъ начальниязъ, отъ священниязъ и до простыхъ онечистѣли есте, осмрадиѣли есте гноемъ міролюбія, образъ Божій огноили есте, нѣсть мѣста цѣлаго отъ грѣховнаго недуга,—все струпъ, все рана, все пухлина, все гнилство, все огнь пекельный, все болѣзнь, все грѣхъ, все неправда, все лукавство, все хитрость, все коварство“¹²⁾... Правда, Іоаннъ Вишенскій былъ слишкомъ суровый обличитель; но самая крайность обличеній, рѣзкость ихъ тона, не можетъ не свидѣтельствовать о силѣ новыхъ иноземныхъ вліяній въ средѣ западно-русскаго православнаго общества.

¹²⁾ *Акт. южн. и зап. Россіи*, II, стр. 209—211. 221. 226.

Всеохватившее вліяніе польской культуры особенно скоро сказалось на языкѣ. Русскій языкъ сталъ или замѣняться польскимъ, или ощущалъ на себѣ со стороны послѣдняго столь сильное вліяніе, что дѣлался неузнаваемымъ. Въ концѣ XVI вѣка многіе русскіе Литовскаго Княжества по польски говорили и писали больше и охотнѣе, чѣмъ по русски. Въ частной перепискѣ чаще всего употребляли польскій языкъ, хотя нерѣдко польскія слова писали русскою азбукою.¹³⁾ Присланную отъ Курбскаго въ славянскомъ переводѣ бесѣду Іоанна Златоуста кн. К. К. Острожскій считаетъ, „лѣпшаго ради выразумленія“, необходимымъ перевести на польскій языкъ¹⁴⁾. Во времена Курбскаго въ Литовской Руси, повидимому, легче можно было найти человѣка, знающаго греческій или латинскій языкъ, чѣмъ знающаго языкъ славянскій; по крайней мѣрѣ, такое мнѣніе выражалъ самъ Курбскій.¹⁵⁾ Въ одномъ памятникѣ конца XVI вѣка читаемъ: „Ученіе святыхъ писаній зѣло оскудѣ, паче же словенскаго россійскаго языка,—всеи человекцы приложихася простому нестерпенному людскому писанію, сего ради въ различныя ереси впадоша, не вѣдуще въ богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка“⁰¹⁾. На то же жалуется Іоаннъ Вишенскій. „Славянскій языкъ, пишеть онъ въ одномъ изъ своихъ посланій, омерзѣлъ многимъ, его не любятъ и хулятъ⁰²⁾... Славяно-русскій языкъ казался ничтожнымъ, бѣднымъ, въ сравненіи съ языкомъ польскимъ, и особенно латинскимъ, на которомъ писалась тогда вся научная литература. О литературѣ на славянскомъ языкѣ никто не говорилъ, да ее

¹³⁾ *Пам. Рус. Стар.*, VI, стр. 139—140. См. также: *Виленскій Вѣстникъ*, 1866, № 184.

¹⁴⁾ *Сказанія кн. Курбскаго*, СПб., 1868 г., стр. 222.

¹⁵⁾ Въ письмѣ къ одному изъ своихъ литовскихъ знакомыхъ Курбскій передаетъ свою бесѣду съ извѣстнымъ старцемъ Артеміемъ о крайней недостаточности въ южно-русскомъ обществѣ славянскихъ переводовъ твореній отцовъ церкви и о необходимости новыхъ переводовъ; Артеміи между прочимъ совѣтовалъ особенно поспѣшить переводомъ на славянскій языкъ книги Василія Великаго „Шестодневъ“, и по этому поводу просилъ Курбскаго указать ему такого человѣка, который могъ бы перевести ее съ греческаго или латинскаго; на это Курбскій отвѣтилъ ему: „аще и добуду грецкимъ умѣющаго або латинскимъ, но славенскимъ не будутъ умѣти“. *Сказанія кн. Курбскаго*, СПб., 1868, стр. 224.

⁰¹⁾ *Акты зап. Россіи*, т. IV, № 32 (окружное посланіе, 1592 года).

⁰²⁾ *Акты зап. Рос.*, т. II, стр. 210.

мало и знали... Писатели-католики указывали на бѣдность литературы на славянскомъ языкѣ, на плохое знаніе языка самими западно-русскими православными, и послѣдній упрекъ былъ не совсѣмъ не справедливъ. „Еще не было, писалъ въ своемъ сочиненіи „*O jedności kościoła Bożego*“ Петръ Сварга,—на свѣтѣ академіи, гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, когда теперь никто не понимаетъ писаннаго на немъ? На этомъ языкѣ нѣтъ ни грамматики, ни риторики, да и быть не можетъ. Сами священники православные не понимаютъ теперь этого языка, и спрашиваютъ объясненій по польски. Благодаря славянскому языку, у православныхъ нѣтъ другихъ школъ, кромѣ самыхъ элементарныхъ, для обученія чтенію. Этимъ и ограничивается вся ихъ наука. Отсюда—общее невѣжество и заблужденія. Да и естественно: съ славянскимъ языкомъ выходитъ—слѣпецъ слѣпца водить ⁰¹⁾... Въ виду этихъ нападокъ, вопросъ о славянскомъ языкѣ волновалъ многихъ и былъ предметомъ оживленной полемики. Западно-русскимъ православнымъ приходилось серьезно говорить о правѣ и славянскаго языка на существованіе, о его важности и необходимости. „Книги церковныя всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте,“ пишетъ Іоаннъ Вышенскій. „Што нѣкоторыя наши на словенскій языкъ хулятъ и не любятъ,—да знаешь заповно, яко того майстра (дьявола) дѣйствомъ и рычаніемъ, духа его поднявши, то творять. А то для того дьяволъ на словенскій языкъ борьбу тую маеть, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій: понеже безъ цоганскихъ хистростей и руководствъ, се же есть граматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ..., простымъ прилежнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводитъ“ ⁰²⁾... „Суть нѣцны глаголюще, чесо ради словенская письмена,—читаемъ въ *Сказаніи како состави св. Кириллъ Философъ азбуку словенску*, приложенномъ къ виленской грамматикѣ 1621 года—ни бо тѣхъ Богъ сътвори, ни ангель, ни суть законни, яко жидовская и елинская, иже отъ закона суть и пріятны Богомъ. И мнать таковін, яко единемъ имъ сътвори Богъ письме-

⁰¹⁾ O jedności kościoła Bożego и пр. *Рус. Ист. Библ.*, т. VII, col. 485 - 486.

⁰²⁾ *Ак. южн. и зап. Россіи*, II, стр. 209. См. также обширныя разсужденія автора о важности славянскаго языка и превосходствѣ его передъ латинскимъ—въ *Зачаткѣ мудраго латынника съ глутымъ русиномъ въ диспутации* и пр. Сочиненіе издано Голубевымъ въ приложеніяхъ въ изслѣдованію: *Петръ Мошпа* и пр., I, стр. 67—108.

на, и не вѣдять, что глаголють окаяннии, яко тремя языки токмо Богъ повелѣ книгамъ быти, рѣша, яко же и въ евангеліи глаголется, иже бѣ титла написана на крестѣ Господни—еврейски и гречески и латински, а славенски нѣсть ту. И того ради глаголють, не суть славенскіи книги отъ Бога. Но что възъглаголемъ о тацѣмъ безумнымъ; обаче да речемъ къ нимъ отъ святого писанія, якоже научихомся, яко вся вможна суть отъ Бога, а не отъ инаго. и іно, якоже и псалмистъ глаголетъ: хвалѣте Господа вси языци, и похвалите его вси людіе, а не единими тремя письмени и языки, якоже они баснословятъ. Не сотвори Богъ жидовска языка прежде, ни еллинска, ни римска, но сирѣскій, имъ же Адамъ глагола "...¹⁷⁾ Другой современникъ, посвящая князю изданную имъ книгу и обращаясь къ нему, съ еще бѣльшей подробностью довазываетъ силу и важность славянскаго языка: „Есть заправды и то межѣ иными¹⁸⁾, непосполитая, ижъ ваша княж. милость прирочонный свой славенскій діалектъ або языкъ любишь и выславуешь, и силу его разумѣючи, радъ книги того діалекту читаешь, и многихъ до читаня и боханья ся въ немъ побужати рачишь. И слушне: маеть бо вѣмъ языкъ славенскій таковую въ собѣ силу и зацность, же языку грецкому якобы природне съгласуетъ, и власности его съчиняется: и въ переладъ свой приличне, и не яко природне онъ беретъ и пріймуетъ, въ подобныи спадки съклоненій и съчиненія падаючи; венць, и найзвязнѣйшее сложное грецкое слово, подобнымъ такъже звязнымъ, и сложнымъ по славенску выложити есть можно, чого иными жаднымъ, а нѣ латинскимъ недоказати языкомъ: чого доводомъ есть, же латинскіи переводники таковыи слова, обширне зъ околичностями на свой прикладають языкъ, многими околичностями ширити мусятъ. Отколь безпечнѣйшая есть речъ и увѣреннѣйшая философію и еологію славенскимъ языкомъ писати и зъ грецкого переводити, нежли латинскимъ: который оскудный есть, же такъ реку до трудныхъ, высокихъ и богословныхъ речій недоволенъ и недостаточный: для того жъ въ книгахъ латинскихъ барво много словъ ся грецкихъ находятъ, и гдыбьсмо зъ книгъ языка латинскаго хотѣли всѣ грецкіи vybrати слова, сталъ бы ся якъ единъ отъ иныхъ. И не дармо славный и мудрый вѣковъ нашихъ политикъ и историкъ глубокий, въ книзѣ подъ именемъ Мачузскаго выданой, языкъ латинскій, до ученой конской едноходы: а грецкій до

¹⁷⁾ Голубева, *Ист. Кіев. дух. ак.*, I, стр. 181.

¹⁸⁾ т. е.—добродѣтелями князя: авторъ говоритъ передъ этимъ о достоинствахъ и добродѣтеляхъ князя, заставляющихъ посвятить ему книгу...